

троля, именно как контрольно-налоговые правоотношения, требующие строгой процедурной формы.

Библиографические ссылки

1. Фомина О. Налоговый контроль в США // Финансовый бизнес. – 1995. – № 7. – С. 15-18.
2. Кучерявенко Н. П. Курс налогового права. В 6 т. Т. II: Введение в теорию налогового права. – Х.: Легас, 2004. – 600 с.
3. Брызгалин А. В. Налоги и налоговое право: учеб. пособие. – М.: Аналитика - Пресс, 1997. – 600 с.

ПРИНЦИП ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ НЕЙТРАЛЬНОСТИ ПРАВА И НОВЫЕ ФИНАНСОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Кочерга Ольга Руслановна,

аспирант кафедры конституционного права
Белорусского государственного университета (г. Миснк)
olga.kocherga.94@mail.ru

Декрет Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики» (далее – Декрет № 8) вводит в правовое поле новые объекты правоотношений – цифровые знаки (токены). В соответствии с Приложением 1 к Декрету № 8, токен представляет собой запись в реестре блоков транзакций (блокчейне), иной распределенной информационной системе, которая удостоверяет наличие у владельца цифрового знака (токена) прав на объекты гражданских прав и (или) является криптовалютой. При этом под криптовалютой понимается биткоин, иной цифровой знак (токен), используемый в международном обороте в качестве универсального средства обмена. Таким образом, по смыслу Декрета № 8, токен – это запись в особой информационной системе, которая либо удостоверяет наличие у ее владельца прав на объекты гражданских прав, либо используется в международном обороте в качестве универсального средства обмена, либо выполняет указанные функции одновременно.

В этой связи необходимо отметить следующее. Определение токена как записи, удостоверяющей право на объекты гражданских прав, во многом схоже с определением бездокументарных ценных бумаг. Так, в соответствии со ст. 143 Гражданского кодекса Республики Беларусь, к бездокументарным ценным бумагам относятся совокупности определенных записей, удостоверяющие с соблюдением установленной формы и (или) обязательных реквизитов имущественные и неимущественные права. Основным отличием указанных понятий является, по сути, только существование токена как записи в

блокчейне или иной распределенной информационной системе. Следовательно, возможны случаи, когда на записи, удостоверяющие одно и то же право, внесенные в информационные системы различного типа, будут распространяться разные правовые режимы. При этом по общему правилу, технология, лежащая в основе того или иного правового явления, не должна влечь изменения его правового режима [1]. Речь идет о принципе технологической нейтральности, широко используемом многими государствами. В рассматриваемом контексте он означает, что одни и те же принципы регулирования должны применяться независимо от используемой технологии [2]. Нейтральность права по отношению к технологиям позволяет обеспечить универсальность правового регулирования. Этот принцип стал основой позиции финансовых регуляторов США, Швейцарии, Эстонии, Сингапура и других государств.

Так, в США Комиссия по ценным бумагам и биржам (SEC) фактически приравнивала некоторые виды токенов (например, токены DAO – децентрализованной автономной организации) к ценным бумагам и распространила на их эмиссию соответствующее регулирование. Теперь токены, соответствующие критериям ценных бумаг, выработанным судебной практикой, подлежат регистрации в SEC [3]. Служба по надзору за финансовыми рынками Швейцарии опубликовала руководство, в соответствии с которым ICO будет регулироваться законами о борьбе с отмыванием денег и финансированием терроризма, положениями банковского законодательства, законодательства о коллективных инвестициях, документами о торговле ценными бумагами [4]. Финансовый регулятор Эстонии придерживается схожей позиции: эмиссия некоторых видов токенов может быть признана выпуском финансовых инструментов и должна регулироваться законодательством о ценных бумагах. К слову, в Российской Федерации по итогам проведенного в октябре 2017 года совещания по вопросам использования цифровых технологий в финансовой сфере принято решение обеспечить регулирование публичного привлечения денежных средств и криптовалют путем размещения токенов по аналогии с регулированием первичного размещения ценных бумаг [5].

Разумеется, нейтральность права по отношению к технологиям не абсолютна, если в результате применения определенной технологии к отдельным общественным отношениям такие отношения претерпевают существенную трансформацию, то можно вести речь об установлении особого механизма использования такой технологии, поскольку принцип технологической нейтральности распространяется на схожие общественные отношения. Тем не менее, п. 3.3 Декрета

№ 8 устанавливает правило, в соответствии с которым законодательство о ценных бумагах, секьюритизации, требования о лицензировании профессиональной и биржевой деятельности по ценным бумагам не распространяются на отношения (деятельность, операции) резидентов Парка высоких технологий с использованием токенов, в том числе на тождественные (схожие) с отношениями (деятельностью, операциями), регулируемые указанным законодательством.

Кроме того, необходимо отметить, что возможности системы распределенных реестров позволяют осуществлять эмиссию токенов, абсолютно различных по содержанию, и токен, дающий право на скидку на услуги или товары компании-эмитента, не требует регулирования, аналогичного токену-акции. Однако Декрет № 8 не дифференцирует подходы к регулированию различных видов токенов, удостоверяющих права на объекты гражданских прав. Лишь из контекста в некоторых случаях можно понять, что конкретное нормативное предписание относится только к подобным токенам, а не к криптовалюте.

Предполагается, что данные вопросы будут решены на уровне актов Министерства финансов Республики Беларусь и локальных нормативных правовых актов операторов криптоплатформ, деятельность которых в значительной степени построена на началах саморегулирования. Так, в соответствии с п. 4.3 Декрета № 8, оператор криптоплатформы разрабатывает, утверждает локальные нормативные правовые акты, в соответствии с которыми осуществляет свою деятельность, в том числе: правила, регулирующие порядок торговли токенами; порядок допуска участников к торгам и исключения из числа участников торгов; правила допуска токенов к торгам. Несмотря на то, что такой подход имеет свои плюсы, согласимся с А.И. Савельевым в том, что успешная реализация такой высокой степени свободы в части регламентации процедуры эмиссии токенов предполагает наличие неких стандартов, например, стандартов раскрытия информации о проекте, которые служили бы ориентиром для операторов криптоплатформ [1].

В условиях стремительно развивающихся финансовых технологий принцип технологической нейтральности права как принцип, обеспечивающий универсальность правового регулирования, приобретает все большую значимость. В данном контексте полагаем, что рассмотренные положения Декрета № 8 не в полной мере соответствуют данному принципу, и в ходе дальнейшего правового регулирования вопросов обращения токенов целесообразно обеспечить их дифференциацию в зависимости от удостоверяемого права, а также

стандартизацию деятельности операторов криптоплатформ при осуществлении эмиссии токенов.

Библиографические ссылки

1. Савельев, А.И. Комментарий на положения о регулировании операций с криптовалютами и иных отношений, основанных на технологии «Блокчейн» Декрета Президента Республики Беларусь «О Развитии Цифровой Экономики» № 8 От 21 Декабря 2017 г. [Electronic resource] / А.И. Савельев // Social Science Research Network, Elsevier Inc., 2018. – Mode of access: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3102872. – Date of access: 10.02.2018.
2. Maxwell, W. Technology neutrality in Internet, telecoms and data protection regulation [Electronic resource] / W. Maxwell, M. Bourreau / Global Media and Communications Quarterly – Autumn 2014 // Hogan Lovells, 2018. – Mode of access: <http://www.hoganlovells.com/files/Uploads/Documents/8%20Technology%20neutrality%20in%20Internet.pdf>. – Date of access: 10.02.2018.
3. Report of Investigation Pursuant to Section 21(a) of the Securities Exchange Act of 1934: The DAO [Electronic resource] // U.S. Securities and Exchange Commission, 2017. – Mode of access: <https://www.sec.gov/litigation/investreport/34-81207.pdf>. – Date of access: 10.02.2018.
4. FINMA is investigating ICO procedures [Electronic resource] // Swiss Financial Market Supervisory Authority FINMA, 2017. – Mode of access: <https://www.finma.ch/en/news/2017/09/20170929-mm-ico/>. – Date of access: 10.02.2018.
5. Перечень поручений по итогам совещания по вопросу использования цифровых технологий в финансовой сфере [Электронный ресурс] // Администрация Президента России, 2017. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/55899>. – Дата доступа: 10.02.2018.

ДОГОВОРНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В ЭЛЕКТРОЭНЕРГЕТИКЕ В УСЛОВИЯХ РЫНОЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Куницкая Ольга Михайловна,

доцент кафедры финансового права и правового регулирования хозяйственной деятельности Белорусского государственного университета (г. Минск), кандидат юридических наук, доцент
volhakun@mail.ru

Страны – члены Международного энергетического агентства (IEA) начали открывать электроэнергетические рынки для конкуренции в начале 1990-х гг. Большинство стран установили полную конкуренцию независимо от размеров производителей и потребителей [1, с. 685].

Россия начала проводить реформу в электроэнергетике в 2003 году, и за относительно короткий срок было создано новое российское законодательство об электроэнергетике. В части структурных преобразований российская реформа воспроизводит универсальные принципы и общемировые тенденции: разделение естественно-монопольных видов деятельности от потенциально конкурентных видов; приватизация собственности в секторах производства и сбыта